

— Договорились, — Чжао Цзи согласно и очень быстро закивал.

Хозяйка поспешно ушла, но почти сразу вернулась. Видимо, страх перед влиянием клана Го и их старшим молодым господином пересилил жадность.

— Ступай за мной, — тихо бросила она Чжао Цзи.

Ей думалось так: если Линь Сяньэр откажется принимать гостя, то гнев семейства Го по крайней мере не падет на ее голову.

Чжао Цзи не стал разгадывать эти хитрые интриги и молча последовал за ней.

Пока они поднимались к знаменитым покоем Линь Сяньэр, сердце Чжао Цзи колотилось как безумное. Это было странное, трудноописуемое чувство.

В своем прежнем мире он умер, чтобы возродиться здесь, в глубокой древности. С первых секунд новой жизни на него обрушилось колоссальное давление, а над душой нависли могущественные фигуры этого времени. Обычный офисный клерк, он на собственной шкуре почувствовал, что значит быть «слабым, незащищенным, но чертовски прожорливым».

И вдруг ему говорят: в этом мире живет настоящий Ли Сюньхуань.

Пусть подсознание и твердило, что Младший призер Ли — лишь вымышленный персонаж из приключенческих романов, эта новость подействовала как мощный стимулятор. Она ворвалась в его серые будни, полные тревог и головной боли, и подарила надежду.

«Если мир боевых искусств действительно существует бок о бок с этой реальностью...»

«...то книга, которую дал мне Сяо Ци, тоже настоящая?»

«Значит, у меня есть другой путь? Я не обязан безвольно ждать, пока меня затащат на императорский трон?»

Разнообразные догадки возбуждали Чжао Цзи как никогда прежде. Встреча с Ли Сюньхуанем и Линь Сяньэр в его глазах превратилась в долгожданную фан-встречу с кумирами. Чем ближе они подходили к двери, тем яснее он ощущал детский восторг, затаившийся в груди.

Только сейчас он понял, насколько сильно хотел, чтобы Ли Сюньхуань оказался настоящим.

Пока Чжао Цзи предавался этим мыслям, хозяйка довела его до конца коридора на самом верхнем этаже «Павильона Десяти Тысяч Цветов».

— Подожди здесь, — обернулась она к нему. — Я зайду и спрошу разрешения.

Она коротко постучала и скрылась за дверью. Через пару минут женщина высунулась наружу и кивнула Чжао Цзи.

Перед тем как переступить порог, Чжао Цзи глубоко вдохнул.

Для «Павильона Десяти Тысяч Цветов» Линь Сяньэр была особой фигурой. Принцип «продавать искусство, но не тело» для нее был не просто уловкой ради поднятия цены, а реальным статусом.

Глубоко вздохнув и преисполнившись благоговения перед великим автором Гу Луном, Чжао Цзи толкнул дверь.

С первого же взгляда на сидевших в комнате людей он понял.

Они настоящие. Перед ним были подлинная Линь Сяньэр и подлинный Ли Сюньхуань.

Что-то в груди Чжао Цзи дрогнуло, готовое вот-вот вырваться наружу.

Говорят, у тысячи читателей в головах живет тысяча разных Гамлетов. Наверняка каждый, кто открывал книгу «Многострадальный мечник, безжалостный меч», представлял себе своего собственного Ли Сюньхуаня. Но все эти фантазии мгновенно рассыпались в прах.

Каким бы вы ни рисовали себе этого героя прежде, стоило лишь увидеть мужчину, небрежно сидевшего у окна, как внутренний образ без колебаний сливался с реальностью.

Это был он. Ему не нужно было соответствовать чьим-то ожиданиям. Любой, кто взглянул бы на него, тут же подогнал бы свои книжные идеалы под его черты.

«Ах... Так вот ты какой, Ли Сюньхуань».

Чжао Цзи медленно, шумно выдохнул, пытаясь унять бурю в душе. Горло пересохло, а глаза предательски защипали. словно уставший скиталец после долгих месяцев в бушующем океане наконец увидел свет маяка.

Чжао Цзи крепко сжал кулаки. В прошлой жизни он никогда не фанател по знаменитостям, но все это осталось в прошлом.

«С сегодняшнего дня Ли Сюньхуань — мой кумир!»

«Буду его преданным фанатом до мозга костей!»

Он почувствовал, как к нему возвращается былая уверенность. После перемещения в этот мир он стискивал зубы и терпел все невзгоды в одиночку, выживая под постоянным давлением. В этой чужой, смертельно опасной обстановке появление Ли Сюньхуаня стало тонкой нитью, связывающей его с прежней жизнью в современном обществе.

Даже если этот человек был лишь персонажем из книги, один его вид приносил Чжао Цзи непередаваемую радость.

О, великая сила кумиров!

Хозяйка усадьбы завела гостя, прикрыла за собой дверь и сразу ушла.

Линь Сяньэр грациозно сидела перед цинем. Она ждала, когда невзрачная служанка, за которую так просили, заговорит сама. Прошло несколько томительных секунд, но гостя молчала. Дева Линь недовольно приподняла длинные ресницы и устремила взгляд на вошедшую.

Красавица заметила, что девчонка уставилась прямо на Ли Сюньхуаня. И смотрела не отрываясь.

Любая женщина, уверенная в собственной неотразимости, инстинктивно чувствует враждебность к тем, кто может составить ей конкуренцию. Эта девчушка казалась совсем юной, но от нее исходила странная, неуловимая аура благородства и величия, которой не было у самой Линь Сяньэр.

Это задевало. Господин Ли был ее гостем. Как смеет эта пришлая служанка вести себя столь бесстыдно и пялиться на чужого мужчину?

— Раз у тебя нет желания учиться, можешь идти, — холодно отрезала Линь Сяньэр, стараясь все же соблюдать приличия из-за дворцовых связей гостя.

Чжао Цзи наконец пришел в себя. Ничуть не смутившись, он сделал несколько шагов к столу с цинем и открыто, дружелюбно улыбнулся:

— Что вы, дева Линь, я очень хочу поучиться! Огромное спасибо, что согласились принять меня. Моя госпожа будет вам премного благодарна.

Пусть в будущем Линь Сяньэр окажется той еще тварью, Чжао Цзи никогда не судил людей по их будущим поступкам. В конце концов, изменение этого самого будущего и было его главной жизненной целью. Каким бы холодным ни был прием, вежливая благодарность никогда не помешает.

Увидев его искреннюю улыбку и дружелюбный взгляд, Линь Сяньэр немного оттаяла. Она приняла величественную позу:

— О чем именно ты хотела спросить?

Чжао Цзи только открыл рот, собираясь продолжить свою выдумку, как вдруг Ли Сюньхуань, до этого молча пивший у окна, резко вскинул руку с кувшином. Глаза его опасно сузились. Взмах — и тяжелый глиняный сосуд полетел прямо в голову Чжао Цзи!

Свист ветра над ухом заставил тело среагировать быстрее разума. Чжао Цзи неестественно изогнулся, словно на вечерней тренировке по йоге, и чудом разминулся с летящим снарядом. Сзади раздался звон бьющейся глины.

Ли Сюньхуань повернулся к нему, холодно усмехаясь:

— Неплохая внутренняя сила и отменная реакция. Не знал, что в императорском дворе евнухам позволяют носить женское платье. Или теперь туда берут настоящих мужчин?

Чжао Цзи замер.

«Охо-хо... Попался».

Он покосился на осколки на полу. С одной стороны, внутри все ликовало — он уклонился от броска самого Ли Сюньхуаня! С другой стороны, глупое разоблачение вышло слишком уж внезапным. Горячая любовь к кумиру мгновенно остыла под его ледяным взглядом.

Почувствовав на себе настороженный, колющий взгляд Линь Сяньэр, Чжао Цзи решил не оправдываться. Он демонстративно заложил руки за спину и небрежно прислонился к стене:

— Моя старшая сестра — наложница Го Чуньлань.

Ли Сюньхуань прищурился, в его глазах читалось сомнение:

— Сестра? И сколько же человек в вашей семье? Какую должность занимает твой отец?

Чжао Цзи привычно использовал Го Чуньлань как щит, соврав без единого колебания:

— Три сестры, старший брат и младший брат. У отца нет чина.

Эти сведения совпали с тем, что Ли Сюньхуань знал о семье наложницы Го. Напряжение спало.

— Зачем тогда тебе этот наряд? — уже спокойнее спросил он.

Чжао Цзи на ходу сочинил глупость:

— Сестра хочет удержать благосклонность Его Величества, да и вся семья этого желает. А дева Линь в последнее время гремит на всю Поднебесную своими талантами.

Лживое объяснение звучало вполне убедительно. И Ли Сюньхуань, и Линь Сяньэр приняли его за чистую монету.

Узнав, что перед ней мужчина, дева Линь еще раз окинула Чжао Цзи взглядом. Утратив «линзу соперничества», она вдруг нашла его черты весьма привлекательными. Пусть ему не хватало изящной небрежности Ли Сюньхуаня, в нем чувствовалась иная, благородная мужская красота. Ее тон сразу смягчился:

— Надо же, решиться на такое ради сестры. Надевать женское платье...

Для Чжао Цзи в этом наряде не было ничего унижительного. В прошлой жизни под началом Ван-Живодёра ему приходилось терпеть вещи и похуже, разве что телом не торговал. Ради каприза важного клиента он однажды выпил таз пива прямо из новенькой ванночки для ног.

Но видя, как Ли Сюньхуань и Линь Сяньэр смотрят на него с сочувствием и даже некоторым уважением, Чжао Цзи решил не разрушать легенду о своей «жертвенности».

Раз уж его не прогоняли, уходить он не спешил. Чжао Цзи непринужденно уселся на стул и спросил Ли Сюньхуаня:

— А как ты понял, что я мужчина?

— По дыханию, — охотно объяснил тот. — Мужчины и женщины дышат по-разному. Когда ты вошел, твой вдох был немного прерывистым, но затем дыхание выровнялось — стало глубоким, размеренным и долгим. Такое под силу только тем, кто обладает глубокой внутренней силой и хорошей школой.

Эта новость ошарашила Чжао Цзи. Радость от того, что он увернулся от броска кумира, еще не прошла, а тут такое признание от самого мастера!

Значит, он уже наполовину принадлежит к миру цзянху?

— То есть... моя боевая подготовка действительно хороша? — с замиранием сердца спросил он.

Ли Сюньхуань одобрительно кивнул:

— Твое движение при уклонении было размашистым и мощным. Похоже на жесткий, силовой стиль Шаолиня, но даже более агрессивный. Твоя внутренняя сила чиста и плотна. Для твоих лет — выдающийся результат.

Эта похвала согрела душу Чжао Цзи. Он мысленно поблагодарил Сяо Ци. Тот действительно оказался верным и надежным другом.

Но раз уж Ли Сюньхуань стоял прямо перед ним, Чжао Цзи невольно сопоставил факты. Сяо Ци? Из Банды нищих? И седьмой по счету?..

«Постой... Неужели он... тот самый Хун Цигун?»

Чжао Цзи поспешно отогнал эту безумную мысль.

«Нет-нет-нет, бред какой-то. Быть в шкуре императора Хуэй-цзуна и встретить Ли Сюньхуаня — уже щедрый подарок судьбы. Нельзя быть таким жадным, Чжао Цзи!»

Разговор незаметно перетек на тему политики и недавнего внезапного экзамена в столице.

Ли Сюньхуань, который пошел на экзамен абсолютно неподготовленным и умудрился занять третье место, с тоской пригубил вино:

— Я уже собирался покинуть город, но услышал об этой странной проверке. Стало любопытно, да и на душе было скверно... Вот и решил зайти шутики ради. Вопросы оказались на редкость необычными. Чтобы ответить хотя бы на большую часть, нужно было досконально знать Уложение Великой Сун.

Чжао Цзи изобразил удивление:

— И ты знал его наизусть?

Ли Сюньхуань вздохнул:

— Да нет же. Просто перед самым выходом из дома бегло просмотрел Уложение Великой Сун. Иначе завалил бы половину вопросов.

Чжао Цзи почувствовал, как внутри закипает глухая зависть.

«Вот почему в прошлой жизни я зубрил учебники днями и ночами, а поступил в какой-то

заштатный вуз... Просто в любом мире есть такие гении, у которых все получается само собой! Аж зубы сводит от злости!»

Вдруг снизу донесся нарастающий шум. Сквозь гул толпы отчетливо пробился яростный рев:

— Ли Сюньхуань, ублюдок, выходи!

Троица переглянулась и вышла на галерею второго этажа.

Стоило Ли Сюньхуаню показаться у перил, как из толпы внизу выскочил молодой человек. Он брызгал слюной, дико жестикулировал и орал на весь кабак, обвиняя мастера Ли в предательстве и бездушии.

Даже с учетом того, что Чжао Цзи почти забыл сюжет романа, этот яростный монолог мгновенно освежил его память.

Орущего внизу звали Лун Сяююнь. Посредственный боец, который однажды спас Ли Сюньхуаня. Пользуясь его благодарностью, он поселился в его усадьбе и положил глаз на его невесту — Линь Шиинь. Посредством гнусной моральной манипуляции он заставил Ли Сюньхуаня уступить любимую девушку и лично посватать ее за него.

Среди всех подлецов цзянху этот тип уверенно занимал лидирующие позиции. Самое омерзительное, что даже после того, как он получил все, чего хотел, он продолжал строить из себя невинную жертву. Он намекал Ли Сюньхуаню, что совершил это «ради счастья Шиинь», а теперь явился сюда обвинять его в том, что визиты в публичный дом разбивают девушке сердце. Настоящий эталон лицемерия. Слизняк высшей пробы.

Чжао Цзи искоса взглянул на Ли Сюньхуаня. Да, в делах сердечных Младший призер Ли вел себя глупо и слабохарактерно, но до низости Лун Сяююня ему было далеко. Между запутавшимся глупцом и откровенной гнидой — огромная пропасть.

Лун Сяююнь внизу продолжал надирать глотку. Чем бледнее и несчастнее становился Ли Сюньхуань, тем сладостнее было мерзавцу.

Вдруг его победный вопль прервал звонкий, издевательский смех.

Лун Сяююнь замолк и вскинул голову. Смех доносился со второго этажа и явно предназначался ему. У перил галереи стояла миловидная служанка, небрежно опершись на деревянный поручень.

— Ты чего ржешь, девка?! — вызверился Лун Сяююнь.

Помня об осторожности, Чжао Цзи не стал спускаться, чтобы не выдать себя. Но это не мешало ему высказать все, что он думает об этой падали. Голос его прозвучал на редкость чисто и громко:

— Смеюсь над твоим бесстыдством, чучело!

— Что?! — взревел Лун Сяююнь.

— Что слышал! Ты притащился сюда орать, будто господин Ли разбил сердце деве Линь? А почему оно разбито, не подскажешь? Да потому, что она любит Ли Сюньхуаня! И ты, прекрасно зная об этом, нагло и без зазрения совести требуешь, чтобы ее любимый человек шел сватать ее за тебя? Сделал пакость, а теперь стоишь тут и лаешь, как шелудивый пес? Думаешь, у твоего названного брата совсем гордости нет, раз он терпит твои бредни?

Слова Чжао Цзи попали не в бровь, а в глаз. Ли Сюньхуань, уже готовый принести себя в жертву и объявить о женитьбе на Линь Сяньэр, чтобы навсегда оттолкнуть невесту, застыл с полукоткрытым ртом. Его великий порыв благородства застрял где-то в горле.

Ему было и больно, и горько, но теперь еще и невообразимо неловко. Он повернулся к Чжао Цзи:

— Госпожа Го... Пожалуйста, не надо. Это наше личное дело с братом Луном.

Чжао Цзи едва не задохнулся от возмущения.

Он тут, понимаешь, душу наизнанку выворачивает, защищает этого святошу от гнусного манипулятора, а тот мало того что не ценит, так еще и затыкает его! «Наше личное дело»?!

Да пошел ты к черту со своим благородством!

У Чжао Цзи от этой клинической жертвенности глаза налились кровью. Он повернулся к Ли Сюньхуаню и яростно выплюнул:

— Сам заткнись, кретин!

<http://bllate.org/book/18987/1882234>